

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ С. КУЗНЕЦА И ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН

Эта статья подготовлена к столетию известного экономиста и статистика, Нобелевского лауреата Саймона Кузнецца (1901 — 1985). Его имя широко известно, наряду с именем другого американского экономиста российского происхождения — Василия Леонтьева. Однако, если научные заслуги последнего широко признаны, его труды переводились и издавались в нашей стране с конца 50-х гг., а основные принципы межотраслевого анализа развивались отечественными экономистами, то работ, посвященных анализу научного наследия С. Кузнецца, очень мало, к тому же они носят весьма противоречивый характер. До сих пор нет переводов его работ, ставших уже классическими, на русский язык. Вместе с тем судьба ученого, равно как и судьба его идей, — один из ярких примеров судеб российской и мировой экономической науки XX века.

1. Истоки и общая оценка научного творчества С. Кузнецца

Саймон Кузнецц знаменит, прежде всего, своими исследованиями в области национального дохода. И хотя он не был первым экономистом, который стал заниматься макроэкономической статистикой, однако именно его труды, благодаря своей глубине и тщательности анализа, установили стандарт в этой сфере. Предложив методику расчета национального дохода тремя методами, Кузнецц совершил своего рода революцию в статистике. При этом идея о необходимости исследо-

вания национального продукта в трех фазах — на стадии производства, распределения и потребления — была высказана несколькими годами ранее отечественным статистиком А. С. Первухиным в публикации, посвященной балансам СССР за 1928-30 гг.¹ Есть основание предполагать, что общность идей Кузнеця и Первухина не случайна. По мнению А. Л. Вайнштейна, оба ученых исходили из марксовской логики общественного воспроизводства: на стадии производства национальный продукт выражает вновь созданную стоимость, на стадии распределения и перераспределения национальный доход принимает форму суммы первичных и вторичных доходов, наконец, на стадии использования национальный доход представляет собой стоимость предметов потребления и средств производства, реализующих конечные доходы. Сложно сказать, насколько такая точка зрения оправдана, скорее мы имеем дело с феноменом «одновременного открытия». Однако здесь стоит отметить, что Кузнець превосходно ориентировался в марксизме, о чем свидетельствуют его ранние работы

В оценке различных методов подсчета национального дохода Вайнштейн дает высокую оценку работам Кузнеця, отмечая, что «в отношении трактовки содержания и состава народного дохода его позиция... ближе к концепции материального производства», что он по ряду вопросов находится в оппозиции к официальной западной статистике². М. Абрамовиц, сотрудник Кузнеця в Национальном бюро экономических исследований, также отмечает весьма характерную особенность его творчества: скрупулезное внимание к концептуальной базе оценок национального дохода, рассмотрение производственных видов деятельности отдельно от непроизводственных, стремление расширить область исследования, постепенно переходя к исследованию внерыночных и социальных факторов³.

Развитие С. Кузнецем методов статистического анализа национального дохода в 30-х годах происходило параллельно с развитием теории Дж М Кейнса. И в каком-то смысле Кузнець стоял у истоков кейнсианской революции, создав статистическую базу для нового подхода к макроэкономике. Позже он, правда, предпринял опровержение известного постулата

Кейнса о снижении средней склонности к потреблению (опровержение получило в последствие название «загадки Кузнеця»). И в этом проявилось одно из направлений его работы — проверка эмпирической состоятельности тех или иных гипотез. В связи с этим стоит отметить обращение Кузнеця к проверке теорий «сбережения-инвестирования» Туган-Барановского, «больших циклов» Кондратьева, гипотезы перехода к «самоподдерживающему росту» Росту.

Нобелевская премия по экономике 1971 г. была присуждена Кузнецу за работы по экономическому росту, в которых он идентифицировал новую экономическую эру, названную им «современным экономическим ростом». Практические исследования позволили Кузнецу наметить основные элементы общей концепции развития. Он показал, что экономический рост «нового типа» распространился с конца XVIII в. из Западной Европы на юг и восток и в конце девятнадцатого столетия достиг России и Японии. Индикатором таких изменений, по мнению Кузнеця, служило увеличение каждое десятилетие среднедушевого дохода в среднем на 15%, не встречавшееся в более ранние исторические периоды.

Саймон (Симон) Кузнец родился 30 апреля 1901 г. в Пинске, уездном городке в нынешней Брестской области. Его гимназические годы прошли в Харькове. Поступив в 1918 г. на юридический факультет университета, Кузнец стал усиленно заниматься статистикой и экономикой. Большое влияние на него оказала статистик И. Н. Дубинская.

Некоторое время Симон вместе с братом Соломоном работал в отделе статистики Южного бюро Всероссийского центрального совета профсоюзов, где начал заниматься реальными статистическими исследованиями. В своей первой статье он исследовал динамику различных форм оплаты труда по отраслям промышленности в Харькове и дифференциацию доходов в зависимости от систем оплаты труда⁴. Впоследствии в более широком контексте научный интерес Кузнеця к профессиональной структуре доходов проявился в его работах 40-х гг.⁵

Нужно сказать, что Кузнец никогда не забывал о своих российских корнях. Он много писал о советской статистике, издал сборник по проблемам статистических сопоставлений, в 1920-х гг. рецензировал и переводил малоизвестные на Западе работы Н. Д. Кондратьева, Е. Е. Слуцкого, А. С. Первушина, А. Л. Вайнштейна. В 1975 г. Кузнец опубликовал любопытный труд, посвященный исследованию предпосылок и структуры эмиграции российских евреев в США.

Первые работы, проведенные Кузнецом в Национальном бюро экономических исследований под руководством У. Митчелла, были связаны с анализом конъюнктуры и циклов. При этом Саймон Кузнец принадлежал к той группе статистиков и экономистов, которая, по словам Митчелла, «...направляла свои усилия не на построение общей теории конъюнктуры, а на точное установление фактов, касающихся циклических колебаний отдельных экономических процессов»⁶. Кузнец предстает перед нами, по словам Абрамовица, как «великий натуралист». По стилю его первые работы напоминают скорее естественно-научную литературу, они содержат мало общих выводов и рассуждений, богаты технической частью, являются математическими по форме и эмпирическими по духу.

Рано сформировавшийся общий дисциплинирующий настрой и стиль мышления Кузнеца складывается из постоянного обращения к практическим средствам анализа и их результатам. По его мнению, статистика была способна прояснить то, что скрыто от взгляда «чистого» теоретика. Она важна для дальнейшего развития экономической теории, для трансформирования экономики в реалистичную «теорию экономических изменений»⁷. Статистический анализ, по его мнению, дает наиболее достоверные средства для определения связи и относительного значения многочисленных факторов, роль которых подчеркивают теории экономических циклов. В свою очередь, экономические гипотезы служат лучшим руководителем для статистического исследования, их теоретическая значимость является конечным критерием результатов эмпирического анализа.

Кузнец чувствовал, что грань, проводимая между статистической и теоретической работой, весьма значительна. Это было очень точно отмечено еще У. Митчеллом, который писал, что между двумя группами исследователей — теоретиками и статистиками — меньше связи, чем этого требуют их общие интересы. Статистики уделяют мало внимания теориям экономической динамики и, наоборот, теоретики практически не используют статистические методы⁸. Эта, по своему существу, методологическая дискуссия 1930-х гг. в истории экономической мысли иногда изображается как дихотомия между «теорией общего равновесия» и «теорией деловых циклов». Теоретики школы Митчелла считали, что наличие связи с эмпирическим материалом ведет к тому, что термины экономической теории приобретают связь с эмпирическими данными, установленную с помощью статистической интерпретации. Постулаты перестают быть связанными только с абстрактными объектами и отражают реальную экономику. В этом качестве они становятся «законами», образуя основное содержание экономической теории.

В целом же для двух типов экономического мышления и исследования — формального (теоретического) и фактологического (эмпирического) - всегда характерно проведение жестких границ. Статистический анализ в экономике должен, по всей видимости, служить первичным источником данных для теоретических построений. Однако на самом деле этот вид деятельности играет относительно малую роль в большинстве исследовательских традиций в экономике. Можно говорить даже об относительной автономии формального мышления в экономике. Так, известный современный методолог Т. Майер в книге «Истина против точности в экономической теории»⁹ выделил два типа теорий в основном течении экономической науки — эмпирические гипотезы, тяготеющие к наблюдательно-му уровню, и формальные, абстрактные гипотезы. В результате возникает проблема неадекватных критериев взаимной оценки тех или иных теорий. При этом формальным критериям по сравнению с критериями эмпирическими придается, по мнению Майера, неоправданно большое значение.

Такое деление теорий на эмпирические и формально-логические как в экономике, так и в других социальных науках имеет не последнее значение в плане выяснения содержания теории. В формальных теориях это содержание может быть выражено четче, чем в эмпирических, но в последних, как мы видим из исследований Кузнецца, оно, безусловно, богаче. Вместе с тем, исследовательская традиция Кузнецца не может быть противопоставлена теории общего равновесия, например, как низший уровень экономического знания высшему. Скорее, нужно говорить, что эта традиция непосредственно связана с миром фактов, она вырастает из него, в отличие от формально-логических теорий, где связь с фактами присутствует только опосредованно.

2. Исследования в области экономических циклов

Теперь от общих методологических рассуждений перейдем к более специализированным темам в творчестве Кузнецца. Важнейшей проблемой, поднятой в ходе развития теории экономической динамики, была гипотеза *«векового движения»* или *«векового уровня»*. В русской экономико-статистической литературе данная проблема первоначально ставилась в связи с необходимостью выделения во временном ряду циклического компонента. Теория векового движения получила, по всей видимости, обобщение в утраченной рукописи Н. Д. Кондратьева по теории тренда¹⁰.

Однако дальнейшее развитие гипотезы было осуществлено Кузнецом в книге *«Вековые движения в производстве и ценах»*¹¹. Здесь мы обнаруживаем присущее Кузнецу стремление к принципиальной теоретической простоте и общности выводов, что, прежде всего, находит выражение в объяснении широкого круга явлений экономической динамики без введения произвольных допущений и гипотез.

По мысли Кузнецца, вычисление векового уровня должно решаться в соответствии с характером каждого ряда и с задачами исследования. При этом Кузнец показал, что единого критерия для определения «удовлетворительности подбора»

теоретической кривой не существует. Формальный математический способ построения тренда применим только в некоторых случаях и связан в основном с выбором между типами кривой. Критерий же, имеющий более широкое применение, состоит в рассмотрении «разумности» величин, указываемых линией уровня, продолженного в будущее, и в выборе той линии тренда, которая дает наиболее правдоподобные результаты. Этот аспект у Кузнеця, несомненно, связан с его пониманием теории векового движения как идеализированной схемы эмпирических ситуаций и может быть условно назван *квази-эмпирическим обобщением*. При построении прогноза этот аспект имеет большое значение для проектирования статистического ряда на определенный период в будущее.

В целом же в соответствии с неопределенностью критериев нахождения векового уровня не существует общего принципа для того, чтобы решить заранее, какой из нескольких способов определения уровня даст наилучшее соответствие фактическим временным рядам. Каждый метод имеет свои преимущества и должен рассматриваться применительно к изучаемому объекту. При этом теория векового уровня должна обладать и предсказательной функцией.

Например, возьмем некоторый конечный статистический ряд. Для этого ряда с помощью формальных методов можно построить определенную теоретическую кривую. Такая гипотеза позволяла бы объяснить движение в определенный отрезок времени, но она, очевидно, будет практически бесполезной, поскольку достоверно ничего не предсказывает. В отношении исследования Кузнеця этот момент достаточно важен как в плане теоретическом, так и практическом. Именно на нем основано применение теории к будущим ситуациям. При этом нужно отличать простую статистическую интерпретацию от предвидения изменения показателя. Теории, по мысли Кузнеця, должны обладать нетривиальным аспектом предсказания.

Итак, какое значение имеет вековой уровень, подобранный для временного ряда опытным путем? Как замечает Кузнец, каждая математическая кривая, взятая в качестве уровня, обязывает к определенным выводам, независимо от того,

отмечает их статистик или нет. Возьмем простой пример: прямая линия, идущая с наклоном вверх. Постоянная скорость ее возрастания предполагает, что значение переменной в каком-либо момент не влияет на величину приращения между этим моментом и следующим. Когда мы находим, что прямолинейный уровень подходит к данному ряду достаточно хорошо, то должны ли мы принять эти математические свойства, как присущие также и тому экономическому процессу, который характеризуется данным рядом? Является ли удачно проведенная математическая кривая в то же время открытием в области экономики? Эти вопросы показывают общий подход к проблеме вековых уровней. Эмпирическая интерпретация этой проблемы образует неотъемлемый компонент теории Кузнецца, а необходимость концептуальной интерпретации векового тренда ставит вопрос в целом об эвристической роли данной гипотезы в составе теории циклов.

Статистический метод Кузнецца при выявлении вторичных вековых колебаний был схож с методом Н. Д. Кондратьева. Он сравнивал первоначальные данные статистических рядов с подобранным теоретическим вековым уровнем. В конкретном статистическом анализе Кузнец применил кривую Гомперца¹² и логистическую кривую. При этом оказалось, что характеристики кривых с приемлемой точностью описывают большинство экономических процессов.

Сравнивая первоначальные данные статистических рядов с подобранным к ним вековым уровнем, Кузнец заметил, что годовые отклонения первоначальных рядов от уровня бывают по преимуществу положительными в те периоды, когда индексы оптовых цен имеет повышательную тенденцию, и отрицательными, когда уровень индексов цен имеет понижающую тенденцию. Это зависимость показала, что длительный подъем оптовых цен усиливает, а длительное падение их задерживает экономический рост. Но Кузнец пошел дальше, распространяя свой анализ на ряды оптовых цен основных товаров. К этим рядам он применил эмпирические уровни и нашел, что годовые отклонения этих рядов от их вековых уров-

ней стремились вверх, когда общий уровень оптовых цен возрастал, и, наоборот, вниз, когда он падал.

Для проверки своих наблюдений Кузнец тщательно исключил циклические колебания из годовых отклонений от первоначального уровня, взяв с этой целью подвижную среднюю с периодом несколько длиннее экономических циклов, и определил продолжительность отклонений от первоначального уровня, которые он назвал «вторичными уровнями» (*secondary trends*). Он нашел, что эти отклонения в среднем короче в рядах производства, чем в соответствующих рядах цен: примерно в 11 лет в первом случае и в 12 лет во втором. Удваивая эти цифры, чтобы получить весь период от максимума до максимума, он пришел к выводу, что средняя продолжительность цикла, по крайней мере, с середины XIX столетия была в пределах 22-25 лет.

Кузнец склонен был рассматривать эти вторичные вековые колебания как особую разновидность конъюнктурных колебаний, занимающую промежуточное положение между более длительными первичными уровнями («циклами Кондратьева») и более короткими конъюнктурными циклами. Отличительная их особенность заключается в том, что данные циклы отражают колебания относительных темпов экономического роста, а не абсолютных показателей деловой активности.

С. Кузнец подробно проанализировал динамику численности населения, показатели строительной промышленности, движение капитала, ВВП и другие переменные. Циклы отчетливо проявились в развитии строительной промышленности, почему их часто и называют «строительными циклами» (особенно в отечественной литературе), хотя эта характеристика вторичных вековых колебаний представляется не совсем точной, скорее речь должна идти о «популяционных волнах». Экономисты, по мнению Кузнеця, должны построить специальную теорию для объяснения данного типа циклических колебаний. В своей попытке объяснить их он, с одной стороны, подчеркивал значение факторов неконъюнктурного происхождения, а с другой, утверждал, что цикличность развития некоторых видов хозяйственной деятельности вызывает эндоген-

ные следствия, которые проявляются на протяжении не только данного, но и ближайшего циклов

Такой постановкой проблемы Кузнец дает интересный пример «прототеоретических» утверждений, основанных на статистическом наблюдении. Согласно его исследовательской программе, статистический анализ предшествует теории, которая лишь после своего создания оказывается способной учитывать эмпирические данные. При этом Кузнец, устанавливая экономические факты, создает целые «явления», которые впоследствии становились центральными элементами теорий экономической динамики. Так, более позднее объяснение циклической динамики, выявленной Кузнецом, было предпринято Б. Томасом¹³, который исследовал влияние волн эмиграции из Англии в США, и показал, что строительная индустрия в Соединенных Штатах расширялась в результате волн эмиграции. Напротив, строительство в Англии сокращалось после оттока населения. Таким образом, вторичные вековые колебания связывались в этой теории с формированием «капитала, чувствительного к населению». В настоящее время это одна из наиболее распространенных гипотез, объясняющих причины «циклов Кузнеца»

3. «Кривая Кузнеца» и проблемы экономической модернизации постсоциалистических стран

На протяжении 1950-60-х гг Кузнец занимался исследованиями отношения между экономическим ростом и изменениями в дифференциации доходов. Это важная междисциплинарная проблема, имеющая экономические, социологические и политологические аспекты. На основе статистики стран, стоящих на разных ступенях индустриализации и развития рыночной экономики, Кузнец установил статистическую зависимость — «кривую Кузнеца», или «закон Кузнеца»¹⁴ (см рис 1)

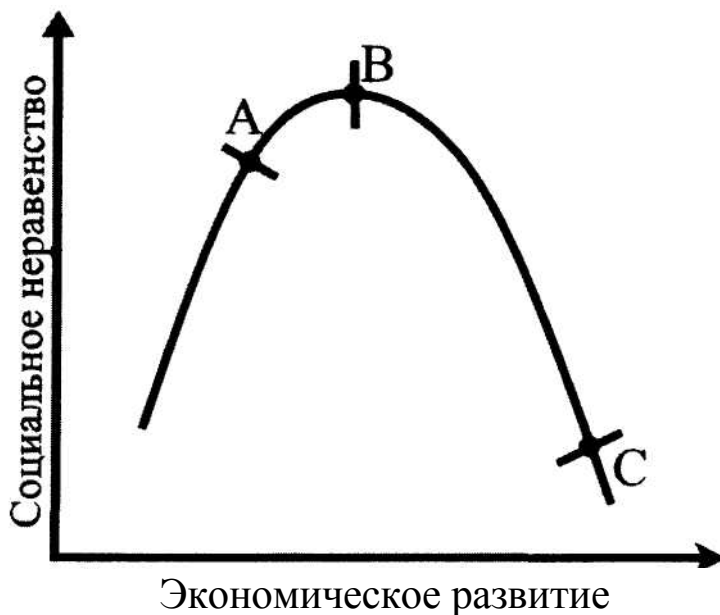

Рис 1 «Кривая Кузнеця»

Согласно этой зависимости, в эпоху доиндустриального общества (до точки *A* на представленном рисунке) социальное неравенство нарастает по мере экономического развития. В процессе «капиталистической модернизации» (отрезок от точки *A* до точки *B*) неравенство в распределении доходов сначала резко возрастает, но затем (от точки *B* до точки *C*) имеет тенденцию снижаться и устанавливается на некотором, практически неизменном, долгосрочном уровне. Причем данная закономерность справедлива не только для развитых стран, но и для традиционных обществ, встающих на путь модернизации. На рис. 1 представлена U-образная «кривая Кузнеця», отражающая суть идеи американского ученого, но следует отметить, что конфигурация этой кривой, построенная на основе эмпирических данных по различным странам, может выглядеть несколько иначе, в частности, после точки *B* кривая может иметь более пологий вид, а до нее — более крутой.

Отдельные страны различались по степени интенсивности и долговременности процесса выравнивания дифференциации доходов, однако, общая тенденция с конца XIX столетия существовала во всех индустриальных и переживающих капиталистическую модернизацию государствах. Своей наивысшей точки неравенство в этих странах достигло в начале XX века. В период 1920-50-х годов в большинстве развитых стран произошло постепенное сглаживание дифференциации доходов населения, после чего положение оставалось практически неизменным.

Обнаружилось также, что различия стран с точки зрения распределения доходов зависят во многом от исторического процесса их развития, традиций и проводимой политики. Так, в период капиталистической модернизации в 1960-70-х гг. дифференциация доходов оказалось гораздо более значительной в странах Латинской Америки, чем в Юго-Восточной Азии, где высокие темпы экономического роста сочетаются с уменьшающимся неравенством в распределении доходов.

«Кривая Кузнецца» вызвала много споров, попыток ее проверки и опровержения¹⁵. Вместе с тем, в нашем нынешнем контексте интересно и актуально обсудить, насколько возможно использовать данную концепцию для анализа проблем дифференциации распределения доходов в России и других постсоциалистических странах с целью выявления связи между этапами процесса модернизации и динамикой распределения доходов.

Россия в процессе своего современного исторического развития пережила, по меньшей мере, три этапа социально-экономической модернизации: модернизация традиционного общества на рубеже XIX-XX веков, индустриализация в советский период, рыночная модернизация 90-х гг. При этом для СССР 30-х годов была характерно высокая дифференциация доходов, однако после Второй мировой войны наблюдалось их выравнивание. Тем не менее, в 1966 г. неравенство в доходах в Советском Союзе было выше, чем в Швеции и Великобритании, но меньше чем, скажем, в США¹⁶.

В социалистических странах уровень дифференциации доходов был неодинаков. Основываясь на исследованиях восточноевропейских экономистов Б. Милановича и Г. Колодко, проанализируем этот уровень¹⁷. Для исследования дифференциации применим индекс Джини, который, хотя и не является точным индикатором дифференциации доходов, в первом приближении позволяет судить об уровне неравенства в той или иной стране.

В конце 1980-х годов в социалистической Европе и СССР индекс Джини в среднем составлял 23-24 пункта (таблица 1). При этом до начала трансформации распределение доходов в социалистических странах было относительно справедливым¹⁸ и сопоставимым с дифференциацией доходов в таких странах, как ФРГ, Нидерланды, Швеция.

Таблица 1.

*Коэффициент распределения дохода в группе стран,
1986—1987 гг.*

	Общий заработок	Чистый доход
	Коэффициент Джини	Коэффициент Джини
Чехословакия	19,7	19,9
Венгрия	22,1	20,9
Польша	24,2	25,3
СССР	27,6	25,6
Великобритания	26,7	29,7
США	-	31,7
ФРГ	-	25,2 (1981 г.)
Австралия	-	28,7(1981 г.)

Источник: Колодко Г. От шока к терапии. Политическая экономика постсоциалистических преобразований. М., 2000. С. 194.

Существует точка зрения, что именно проблемы и способы распределения явились наиболее важной причиной круше-

ния социализма¹⁹. В бывших социалистических странах в первый период реформ было распространено мнение о том, что при рыночной экономике доходы будут выше, а их распределение более справедливым. Однако в переходный период в большинстве стран наблюдался рост дифференциации распределения доходов (табл. 2).

Таблица 2.

*Изменение уровня справедливого распределения доходов
в период трансформации*

	Коэффициент Джини (из расчета дохода на душу населения)	
	1987-1988 гг.	1993-95 гг.
Беларусь	23	28*
Болгария	23*	34
Венгрия	21	23
Казахстан	26	33
Киргизия	26	55(поквартально)
Латвия	23	31
Литва	23	37
Молдова	24	36
Польша	26	28(за полугодие)
Россия	24	48 (поквартально)
Румыния	23*	29 (ежемесячно)
Словакия	20	19
Словения	22	25
Туркменистан	26	36
Узбекистан	28*	33
Украина	23	47(ежемесячно)
Чехия	19	27 (ежемесячно)
Эстония	23	35*

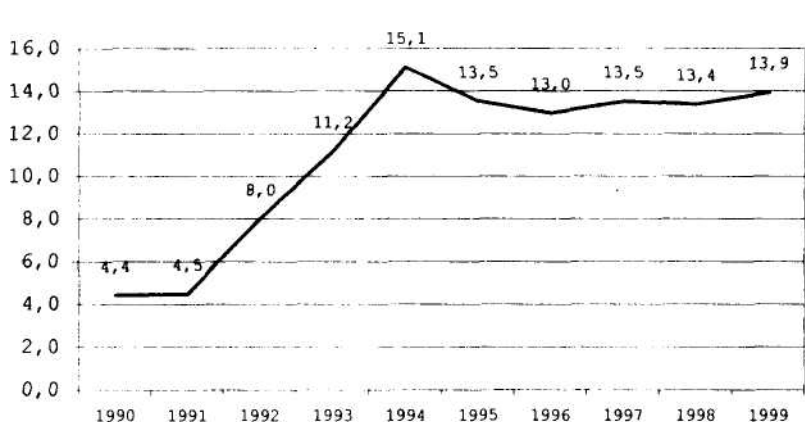
* – данные за 1989 г.

Источник: Колодко Г. От шока к терапии. Политическая экономика постсоциалистических преобразований. М., 2000. С. 198.

Во всех постсоциалистических странах степень неравенства в распределении дохода варьируется в зависимости от конкретных условий. При этом распределение доходов в таких странах, как Венгрия, Словакия, Словения, а также Беларусь, Латвия, Польша, Румыния, Чехия стало в среднем более справедливым, чем в развитых рыночных странах. В большинстве стран, ранее входивших в СССР, дифференциация доходов стала значительно заметнее.

Обратимся к официальным данным Госкомстата РФ о дифференциации доходов. Они формируются на основе бюджетных обследований репрезентативной выборки семей как по России в целом, так и по отдельным ее регионам. На этой основе рассчитывается децильный коэффициент дифференциации (рис. 2).

Рисунок 2. Коэффициент дифференциации доходов в России

Источник: данные Госкомстата РФ.

Динамика коэффициента дифференциации демонстрирует пока только первую фазу «кривой Кузнеца», когда неравенство в доходах резко возрастает. Стабилизация динамики коэффициента в 1994-1999 г. пока еще не позволяет убедить-

тельно говорить о том, что неравенство будет в ближайшей перспективе сглаживаться.

Уточненные исследования социально-экономической дифференциации в России были проведены группой экономистов Центрального экономико-математического института РАН²⁰. Их расчеты показали, что за среднестатистическими показателями благосостояния в России стоит высокая дифференциация доходов, значительный разрыв в доходах нижних и верхних децилей населения. Согласно подсчетам, в 1995 г. средний месячный доход нижнего дециля составил 57,3 долл.; реальный прожиточный минимум - 92,0 долл.; средний месячный доход верхнего дециля — 705,3 долл.; коэффициент дифференциации - 12,3. Прогнозируя динамику коэффициента дифференциации, специалисты ЦЭМИ предположили, что данный коэффициент должен составить в 2000 г. 9,49; в 2005 г. — 9,89; в 2010 г. - 10,94; в 2015 г. - 11,67 и в 2020 г. - 12,03, т. е. разрыв в доходах останется на высоком уровне²¹.

При этом в отношении анализа распределения доходов населения в бывших социалистических странах необходимо выделить несколько моментов. Прежде всего, государственная собственность на средства производства означала, что конкретные формы индивидуального дохода — процент, прибыль, дивиденды — не существовали вообще в том виде, который присущ этим видам доходов в странах с рыночной экономикой. Только в таких государствах, как Венгрия, Польша и Югославия, где присутствовал ограниченный частный сектор, данные факторы оказывали влияние на дифференциацию доходов, хотя и в незначительной степени. Таким образом, основная часть дохода представляла собой заработную плату и различные социальные трансферты. Однако выплата заработной платы регулировалась централизованно, и лишь небольшая группа стран осуществила рыночные реформы, позволившие достичь некоторых сдвигов в этой области, поскольку социальное давление в пользу эгалитарного распределения было эффективным.

При перераспределении доходов большое значение имели различные трансфертные платежи, субсидии и льготы. И

хотя они предназначались для менее имущей части населения, их выплата содействовала более справедливому распределению доходов лишь в определенной степени. Субсидии и льготы распространялись только на ограниченный круг услуг, например, коммунальные услуги, транспорт, здравоохранение. Кроме того, товарный дефицит оказывал влияние на то, что неденежные формы дохода ценились выше, чем более высокий денежный доход. Поэтому практически невозможно дать верную оценку распределению доходов, основываясь лишь на данных о денежных начислениях. Не следует забывать и о множестве привилегий, которыми пользовалась партийно-хозяйственная номенклатура: «тринадцатая зарплата», отдых за символическую плату в самых роскошных санаториях СССР, талоны на «лечебное» питание, бесплатные квартиры и госдачи, служебные машины, использовавшиеся в личных целях, в том числе и членами семьи «номенклатурщика», и т. п. По оценке М. Восленского, разрыв в фактических доходах завсектором ЦК КПСС и среднестатистического трудящегося составлял в начале 1980-х гг. 10:1, и если здесь и возможна ошибка, то, по мнению Восленского, лишь в сторону занижения указанного разрыва²².

На увеличение дифференциации доходов в процессе капиталистической модернизации воздействовал целый комплекс институциональных причин²³. Это, например, отмена или сокращение ряда субсидий и дотаций. Методы отмены субсидий влияли на распределение доходов в различной степени в зависимости от политической ситуации и принятой модели реформ. Однако, чем радикальнее был процесс отмены субсидий, тем крупнее были изменения в дифференциации доходов. На дифференциацию доходов оказывало непосредственное воздействие также инфляционное перераспределение доходов.

Важной причиной роста дифференциации доходов стало перемещение рабочей силы из государственного сектора в частный. В частном секторе дифференциация заработной платы выше, соответственно выше и разница в среднем уровне доходов.

Наиболее фундаментальным изменением экономики в период капиталистической трансформации, оказывающим не

посредственное влияние на дифференциацию доходов, является перераспределение собственности, которое сопровождается изменением модели получения доходов. При этом доля заработной платы снижается, а доля различных доходов от собственности повышается. Этот процесс существенно углубляет дифференциацию доходов.

При анализе дифференциации доходов в постсоциалистических странах необходимо также учитывать гораздо большую, чем в западных экономиках, роль теневого, «неформального» сектора в получении и перераспределении доходов. Поскольку теневой экономикой обусловлен значительный объем совершаемых сделок и операций, то сложно оценить фактическое значение получаемых доходов. Например, многие семьи, причисленные официальной статистикой к нижнему децилю по уровню официальных доходов, на самом деле зарабатывают гораздо больше, благодаря своему участию в теневой экономике. Если учитывать ее масштабы и методологические проблемы, связанные со статистической оценкой, становится ясно, что немалая часть населения получает основные доходы в секторе неформальной экономики. Поэтому их реальные доходы не отражаются в показателях дифференциации доходов. Однако если посмотреть на распределение доходов со стороны верхних децилей, то официальная статистика также оказывается неточной, поскольку значительная сфера предпринимательской деятельности не отражается в данных о полученных доходах.

Таким образом, теневая экономика влияет на дифференциацию доходов в период «капиталистической модернизации», однако невозможно сказать точно, какое влияние она оказывает на окончательное распределение доходов. Неформальный сектор изменяет не только уровень доходов в целом, но и перекачивает часть дохода от одной группы населения к другой. Такие перемещения доходов весьма сложны и часто противоречивы, а рычаги контроля за этим процессом мало изучены.

Перераспределение доходов между теневой и официальной экономикой может содействовать снижению дифференциации доходов. Однако, как показывают исследования, теневая

экономика скорее усугубляет неравенство. Различия между официальными данными о распределении доходов и фактическим их распределением, включая доходы теневой экономики, гораздо глубже в постсоциалистических государствах, чем в развитых странах²⁴.

Одна из центральных проблем, связанных с «кривой Кузнеця», касается влияния перераспределительной политики на экономический рост. Обнаруживается, что на достижение фазы выравнивания доходов политика перераспределения влияет не столь уж значительно. Разумные перераспределительные меры, возможно, ускоряют наступление фазы выравнивания дифференциации доходов, однако это происходит и без вмешательства государства. Либеральные экономисты даже считают, что слишком активное перераспределение, осуществляемое через налоги и программы помощи малоимущим, может дать противоположный, дестимулирующий эффект. В связи с этим можно сказать, что существует выбор между равенством и экономической эффективностью, достаточно давно описанный в стандартных курсах экономической теории¹: чрезмерное равенство, особенно если оно будет достигаться посредством повышения налогов и увеличения социальных трансфертов, способно привести к снижению среднего жизненного уровня общества и отрицательно сказаться на возможностях экономического роста. Поэтому стратегия экономического роста и политика в области доходов должны быть хорошо сбалансированы.

С другой стороны, слишком большое неравенство в доходах может замедлить экономический рост, что, в свою очередь, вызовет социальную напряженность. С этой точки зрения рискованно допускать резкое перераспределение доходов. Если при этом дифференциация доходов растет в период, когда происходит формирование среднего класса, бедность становится основной проблемой. Это весьма характерно для периода модернизации постсоциалистических стран, поскольку при сокращении производства механизм перераспределения переводит часть доходов из беднейшей группы населения в самую богатую. В этом плане огромное значение приобретает

конкретная модель распределения доходов и ее восприятие общественностью.

* * *

Разумеется, в рамках небольшой статьи трудно описать весь круг идей Кузнецца и оценить возможности их развития. Несомненно, однако, что он внес весьма крупный вклад в преобразование современных экономических исследований в сторону их большей эмпирической обоснованности и убедительности. М. Абрамовиц справедливо отметил, что «когда Кузнец только начинал свою деятельность..., экономику можно было по большому счету все еще считать спекулятивной наукой... Она исходила из нечетких постулатов и путем логических заключений переходила от них к не вполне определенным выводам. В свое время этот метод принес достаточно хорошие результаты, расширив наше представление об относительных ценах и распределении ресурсов между рынками. Однако он был практически бесполезен в вопросах, связанных с поведением экономик различных стран в целом, с их ростом и цикличностью. Для исследования этих сторон экономической жизни экономика должна была превратиться из отрасли прикладной логики в эмпирическую науку. Мне кажется, мы имеем право сказать, что за последние полвека в этом направлении был сделан ряд важных шагов. Среди прочего здесь можно отметить и большую полноту охвата, и большую детализацию, и воссоздание исторических данных, и эмпирические исследования роста и колебаний, и развитие эконометрических исследований и количественной экономической истории. И во всех этих областях вклад Кузнецца был не меньше, а нередко и больше, чем любого другого современного ученого»²⁵. Действительно, творчество Кузнецца оказало большое воздействие на развитие как прикладной, так и фундаментальной экономической науки. Оно повлияло на современный стиль экономического мышления, а тем самым и на уровень систематизации экономического знания.

Примечания:

- ¹ Первухин А.С. Методологические вопросы баланса народного хозяйства. Материалы по балансу народного хозяйства СССР. / А.С. Первухин. - М., 1932.
- ² Вайнштейн А.Л. Избранные труды: В 2 т. Т. 2. Народное богатство и народный доход России и СССР / А.Л. Вайнштейн. — М.: Наука, 2000. С. 277
- ³ Абрамовиц М. Саймон Кузнец (1901-1985)/М. Абрамовиц//THESIS. - 1993 Т. 1. Вып. 2. С. 229.
- ⁴ Кузнец С. Денежная заработная плата рабочих и служащих фабрично-заводской промышленности г. Харькова в 1920 году / С. Кузнец // Материалы по статистике труда на Украине. Вып. 2. — Харьков, 1921 С. 52-64.
- ⁵ Friedman M. Income from Independent Professional Practice. /M. Friedman, S. Kuznets. - N.Y., 1945.
- ⁶ Митчелл У. Экономические циклы. / У. Митчел. - М.-Л.: 1930. - С. 194.
- ⁷ Kuznets S. Equilibrium Economics and Business-Cycle Theory / S. Kuznets// Economic Change: Selected Essays in Business Cycles, National Income, and Economic Growth. - N.Y., 1953. P. 31.
- ⁸ Mitchell W. Facts and Values in Economics / W. Mitchell // Journal of Philosophy. 1944. April.
- ⁹ Mayer T. Truth versus Precision in Economics. Aldershot: Edward Elgar, 1993.
- ¹⁰ Кондратьев незадолго до своей смерти, по-видимому, имел возможность ознакомиться с этой работой Кузнеца, о чем косвенно свидетельствует одно из его писем. См.: Кондратьев Н.Д. Основные проблемы экономической статики и динамики. / Н.Д. Кондратьев. — М.: Наука, 1991. С. 549.
- ¹¹ Kuznets S. Secular Movements in Production and Prices: Their Nature and Their Bearing upon Cyclical Fluctuations. / S. Kuznets. — Boston, 1930.
- ¹² В практическом применении данная кривая получила название «кривой роста» или «кривой жизненного цикла».
- ¹³ Thomas B. Migration and Economic Growth. 2nd ed / B. Thomas. — Cambridge, 1973
- ¹⁴ Kuznets S. Economic Growth and Income Inequality / S. Kuznets // American Economic Review. 1953. Vol. 45. № 1.
- ¹⁵ Tinbergen J. Income Distribution. Amsterdam, 1975; Decker C Economic Development and Income Inequality. A Re-examination of Kuznets's Law. 1996; Бергер П. Капиталистическая революция. / П Бергер - М Прогресс-Универс, 1994.
- ¹⁶ Бергер П Капиталистическая революция. / П Бергер. — М.: Прогресс-Универс, 1994. С. 56.

¹⁷ Milanovic B. *Income, Inequality, and Poverty during the Transition from Planned to Market Economy*. Washington, 1998, Колодко Г.В. От шока к терапии. Политическая экономия постсоциалистических преобразований. - М., 2000.

¹⁸ Справедливость, как известно, понятие оценочное. Поэтому можно говорить лишь о применении *того или иного критерия* справедливого распределения доходов, используемых в экономической теории. Если опираться на эгалитаристскую концепцию справедливого распределения, то чем более коэффициент Джини приближается к 1, тем более справедливо распределение доходов. И, соответственно, показатель 100 будет говорить об абсолютном неравенстве в распределении доходов, или высшей степени несправедливости в распределении. Критерии справедливого распределения в роулсианской, утилитаристской или рыночной концепциях иные.

¹⁹ Колодко Г.В. От шока к терапии. Политическая экономия постсоциалистических преобразований. С. 194-195.

²⁰ Фаерман Е.Ю., Терентьев А.М., Васильев И.А., Козырев В.В. Дифференциация доходов, сбережений, непроизводственного потребления в переходном периоде. — М.: ЦЭМИ РАН, 1997.

²¹ Там же. С. 22.

²² Восленский М. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. -М.,1991. С.276.

²³ Колодко Г.В. От шока к терапии. Политическая экономия постсоциалистических преобразований. С. 199-202.

²⁴ Колодко Г.В. От шока к терапии. Политическая экономия постсоциалистических преобразований. С. 199.

²⁵ Абрамовиц М. Саймон Кузнец. С. 233.